

Часть первая

ВСЕГО ПЯТЬ СЛОВ

1

— Плесни еще кофейку, — не глядя, протянул чашку Станислав.

А чашку никто не взял. Он оторвал взгляд от ноутбука, перевел глаза на жену, которая сидела напротив. Странно сидела — как изваяние, держа пальцами обеих рук свою чашку у губ и глядя широко распахнутыми глазами куда-то в пустоту. Глаза у нее потрясающие: дымчатые, при ясной погоде в них появляется легкий бирюзовый оттенок, при пасмурной — стальной. Сегодня погода — что надо: весеннее солнце ворвалось через окно, оставив бесформенные отметины на стенах, кухонных шкафах, на полу. Иногда на этих желтых пятнах танцевали длинные тени, но это ветер беспокоил ветки деревьев за окном, а те отражались в квартире. Да, глаза у Майи выразительные, однако не сегодня, сейчас они — как в пасмурную погоду.

Она не услышала мужа, жена явно не здесь, а где-то. Странновато, потому что задумчивость не ее состояние, тем более в весьма глубокой степени, когда полностью отключаются слух и зрение. Обычно Майя противоположность задумчивости, меланхолии, хандре, но в ней есть и парадоксы. При всей

ее общительности, приветливости — черты, характеризующие всего лишь хорошее воспитание, — она холодновата, лишних эмоций не выдаст, от спора предпочтет уйти, оставшись при своих интересах. А с посторонними вообще держится отстраненно. Ей тридцать четыре, но она не обабилась, не расплылась, превратившись в нечто бугристое, желеобразное и обвисшее. Нет-нет, Майя в прекрасной форме.

Но пора было привести ее в чувство. Станислав слегка постучал краем дна чашки по стеклянной поверхности стола, привлекая внимание супруги, она и на этот раз не отреагировала.

— Майя! — пришлось ему повысить голос.

Вздрогнула, отчего кофе из ее чашки выплеснулся на блузку и стол. Вот теперь она очнулась и, вытирая салфеткой блузку, заворчала:

— Черт, как я... Ты напугал меня!

— Я обращался к тебе несколько раз, — сказал Станислав, снова уставившись в комп, — но ты же не реагировала! В чем дело? У тебя проблемы?

— Небольшие. На работе.

— А что так?

— Да пока только слухи о каком-то уплотнении... считай, сокращении... О, я опаздываю! — взглянув на часы, висевшие на видном месте — над входом в кухню, подхватила жена. — Мне еще переодеться нужно...

— Кофе налей! — снова протянул он пустую чашку.

— А тебе разве не надо на работу?

— Я могу еще часок поработать дома.

Станислав получил свой кофе и погрузился в писанину на мониторе, а Майя умчалась.

Сегодня она вела машину нервно: в последнюю секунду замечала сигналы светофоров, проезжала повороты, резко тормозила перед «зеброй», едва не сбив пешехода. Свернув в переулок, Майя быстро припарковалась, к счастью, улица не была забита автомобилями, и заглушила мотор. Нужна пауза, чтобы собраться, привести внутренний метроном в норму, свыкнуться с опасностью, а это трудно, главное, непривычно.

В русском языке есть два практически одинаковых по смыслу слова — «соврать» и «солгать», сегодня они представлялись Майе совершенно разными по значению. Что такое — соврать? К примеру, придумать причину, чтобы не пойти на вечеринку к друзьям Стаса, которых Майя недолюбливала из-за низкого пошиба, завышенных самооценок и ни на чем не основанной амбициозности. Или: опаздывая на работу, звонишь и несешь чушь про заболевшую тетю, которой нужно завезти лекарства, а настоящая тетька живет в другом городе. Короче, вранье — это мелочь, бытовуха, по большому счету от него никто не страдает и к вранью волей-неволей прибегает каждый.

А солгать — значит выйти за рамки обозначенных границ пристойности, причем сознательно. Это и преступить, и утаить, и предать. Солгать — серьезное действие, потому что несет в себе разрушительный заряд, который способен уничтожить все хорошее, что окружает. Далеко не безобидное словцо. Так вот Майя солгала. Мужу. И не первый раз. На работе-то как раз все в порядке...

Вчера где-то под вечер редактор музыкальных программ, шустрый и вечно взлохмаченный паре-

нек Антоша, забежал в ее кабинет и кинул на стол конверт:

— Это тебе от поклонника. Ух ты... что это такое?

Он плюхнулся на стул, цапнул лежащий на тарелке каштан в зеленой треснувшей оболочке, из трещины выглядывала темно-коричневая кожура. Антон повертел, рассматривая каштан со всех сторон, будто никогда не видел ничего подобного. Разрезая конверт пилкой для ногтей, Майя улыбнулась ему, ответив:

— То ли пирожное, то ли печенье. Знакомый приехал из Прибалтики, презентовал. Ешь, ешь. Это вкусно...

— Ух ты, блин!.. А я гадаю: настоящий или пластмасса?

Сунув в рот весь каштан, Антоша что-то невнятно пробормотал, наверное, слова благодарности и восторга, затем убежал. А у Майи в этот момент замерло сердце, дыхание перехватило, она до сих пор не может отдышаться — грудь словно стянули широким ремнем. На белом листе бумаги, который она достала из конверта и развернула, было отпечатано заглавными буквами:

«Я ЗНАЮ ПРО ТЕБЯ ВСЕ»

Ни подписи, ни штампов на конверте, только надпись: «Радиоцентр. Смолиной Майе Андреевне». Она схватила конверт и ринулась к Антоше, он уже был в студии и готовился к эфиру — все его действия Майя видела через панорамное стекло. Стучать бесполезно — стекло двойное, в студии идеальная шумоизоляция, слышен только звонок, но когда его не отключают.

Майя позвонила — да, сигнал пошел, но у Антошки на голове наушники, он не слышал. Она облокотилась спиной о стеклянную поверхность —

должен же он заметить ее, когда запустит в эфир следующий номер! И снова перечитала послание. Потом еще, еще и еще...

Пять слов. Пять слов, а информации в них заложен вагон, она понятна, как лапоть. При всем при том инфа неполная.

Майя оглянулась. Антон что-то весело балаболит в микрофоны, почесывая лодыжку. Наконец, нажал на кнопку пульта, откинулся на спинку кресла — в запасе от трех до пяти минут, пока идет музыкальный номер. Но вот беда — Антон не снял наушники, стало быть, звонить не имело смысла. Черт, и сидел в профиль, хотя начальство сто раз приказывало располагаться лицом к окну, ведь в радиоцентр приходят гости на интервью, их нужно видеть, чтобы вовремя запустить в студию.

— Чертов анархист! — в сердцах произнесла она.

Следовало обратить на себя внимание каким-нибудь крупным движением. Недолго думая, Майя сняла легкий пиджак ярко-желтого цвета (как раз то, что надо) и замахала им перед стеклом, рисуя полукруг и надеясь, что Антоша заметит мелькание или хотя бы светотени. Нет, не замечал! На улице светлым-светло, ведь сентябрь только начался, световой день еще длинный, в студии полно света. А из темного коридора, освещаемого электричеством, какие светотени могут попадать в студию?

В такт музыки из наушников Антон двигал подбородком вперед-назад где-то с минутой... и совершенно случайно повернул скуластое лицо в сторону окна. Вытаращился, видя манипуляции Майи, она уже махала ему, мол, иди сюда срочно. Антон показал ладонью, мол, подожди. Через пару минут, отбарабанив вставку между номерами, вышел к ней:

— Че стряслось?

— Кто тебе это дал? — спросила Майя, подняв к его носу конверт.

— На ресепшене внизу. Мне передала конверт девушка по имени Мила. Она и правда милá...

— Но ты сказал, письмо от поклонника...

— Да я так, от булды ляпнул. Предположил, мол, от поклонника, наверно. А что? Что-то серьезное?

— Нет... просто... без подписи. Ладно, я пошла.

— А че в письме-то? Че ты всполошилась?

Она помахала ему ручкой, не оглянувшись. Майя спустилась вниз, воспользовавшись лифтом, за ресепшен-стойкой находились две девушки в темно-бордовой униформе и белых блузках. Выяснив, кто есть из них Мила, Майя задала волнующий ее вопрос:

— Не скажете, кто передал для меня этот конверт?

— Не видела, — ответила девушка. — Я в туалет ушла, а когда вернулась, конверт лежал на столе. Я отдала его Антоше.

— А... э... — указала пальцем Майя на вторую девушку.

— Света как раз ушла на обед, — пояснила Мила. — Меня не было минуты три всего лишь... Извините.

— Спасибо, — бросила огорченная Майя и вернулась в свой кабинет, который делила со второй дикторшей по имени Снежана.

Вот такая история приключилась. Неприятная, надо признать. Намек она поняла, но от кого он? Что этот человек хочет? А он (она) явно чего-то хочет, иначе не писал бы. С той минуты, как Майя получила послание, она жила только письмом, чувствуя свою беспомощность. Это ужасно, когда от тебя ничего

не зависит! Ты не знаешь дальнейших шагов неизвестного и ничего не можешь предпринять в свою защиту, хотя понимаешь, что это только начало.

И вдруг только сегодня утром, сидя в автомобиле на тихой улочке, где никто не мешал пересматривать ситуацию, ее осенило:

— Неизвестного? Но есть же видеокамеры!

Едва мелькнула надежда, Майя завела мотор и выбралась из переулка, с трудом попав на главную проезжую часть, где машин море и еще чуть-чуть. Добралась она вовремя и буквально в последнюю минуту вскочила в студию под брань координатора Наны. Поделом, ведь за малым не опоздала.

Майя диктор — новости, реклама, интервью на ней. У Майи идеальная дикция и красивый низкий тембр голоса, она умеет задушевно вести беседы, да и новости подает не скупно, а вносит толику сопереживания, что нравится слушателям. Снежана ведет передачу «Женский мир», которую сама стряпает от «А» до «Я», тоже начитывает рекламу, иногда заменяет Майю на новостях.

Впервые отбарабанив текст довольно сухо (как большинство дикторов, без изюминки), она помчалась к охране и попросила показать вчерашнюю запись.

— Простите, а зачем вам? — поинтересовался охранник.

— Вчера для меня оставили письмо на ресепшен, я хочу знать, кто это был.

— Вам угрожали?

Да! И надо быть идиоткой, чтобы не догадаться: послание — фактически угроза, но пока эта угроза чисто умозрительная, интуитивная. Может, все не так печально?

— М-м-м... нет, — ответила Майя. — Просто письмо странноватое.

— А вы представляете, какой в этом здании проходной трафик? Здесь ваш радиоцентр, офисы, спортклубы, фотостудия, аудиторская фирма, рестораны, внизу магазины... И практически каждый входящий подходит к администратору.

— Нет-нет, не надо просматривать все отснятые кадры, найдите место... думаю, оно одно, ведь обычно за стойкой всегда кто-то есть... — Кажется, он плохо понимал ее сбивчивую речь. — Ну, место, когда за ресепшен-стойкой никого не было. Пожалуйста...

Охранник усадил ее перед монитором на столе, а вообще-то в комнате охраны целая стена из мониторов, повозился с техникой, затем сел рядом и запустил запись в ускоренном темпе. Довольно скоро он нашел место, где стойка пустовала, и сказал:

— Смотрим с той минуты, как Мила ушла, да?

Обозрение отличное — вид сверху и сбоку. Вот к стойке подошел солидный мужчина, затем еще мужчина, оба переговариваются. Подошла женщина в очках, вязаном ажурном пальто серого цвета и белой шляпе с широкими волнообразными полями, уложила локти на стойку, что-то спросила у мужчин... Ага, те пожали плечами, надо полагать, тем самым ответив на вопрос — где админы? Женщина поставила сумочку и... заслонила ее своей шляпой. Несколько секунд спустя ее рука в белой перчатке положила конверт на стол, для чего женщине пришлось перегнуться через стойку, после она неспешно удалилась.

— А нельзя увеличить?.. — Майя обвела в воздухе указательным пальцем свое лицо не в силах выговорить до конца фразу. Разволновавшись, она буквально теряла дар речи, отчего становилось неловко.

— Можно, — ответил охранник.

Он выбрал ракурс не у стойки, так как большую часть кадров шляпа закрывала лицо, а когда женщина подходила. И что Майя увидела? Да ничего существенного: очки огромные, как у стрекозы глаза, закрывают добрую половину лица, лоб тоже закрыт — полями шляпы. Остается нижняя часть: пухлые губы, немного выпуклые скулы, подбородок... а его нет, его закрыл легкий шарф, небрежно намотанный на шею, стального цвета. Что еще... брюки и туфли темно-серого цвета. «Классные» приметы! То есть полное отсутствие каких бы то ни было опознавательных признаков. Теперь даже встретившись с этой дамой нос к носу, не вычислишь ее хотя бы по овалу лица, который можно забить в память, но не забьешь — нечего забивать.

— Отпечатать? — предложил охранник.

— Пожалуй, — неуверенно сказала Майя.

Он отдал ей два варианта портрета — на весь формат А4 и уменьшенную копию в полный рост, но, когда Майя взялась за листы, придержал их со словами:

— Если есть проблемы, обращайтесь, чем смогу — помогу.

Вот теперь она внимательно взглянула на этого человека, с которым иногда здоровалась, не зная ни его имени, ни фамилии. Ему нет сорока, где-то тридцать пять или тридцать семь, высокий, под униформой явно крепкие мышцы, как и положено охраннику. Серьезный. Очень серьезный. Лицо такое... не инфантила, нет, конечно. Но и к брутальным парням на обложках модных журналов тоже не имеет отношения, те все равно приторно-сладкие. Несмотря на то что глаза небольшие и широко по-

сажены, под густой челкой темных волос высоту лба не видно, а щеки закрывает трехдневная щетина, в его лице есть нечто располагающее. Обычно таким людям доверяют, однако у Майи особый случай. Она дежурно кивнула, не собираясь прибегать к его помощи, но он окликнул ее:

— Пойдите! Вот, возьмите.

Она обернулась. Охранник протягивал визитку, делать нечего, пришлось взять вместе с устной инструкцией:

— Номер выучите наизусть или забейте в мобилу, а лучше то и другое. Звоните в любое время суток лично мне по первому номеру. Кажется, вас зовут Майя Смолина...

— Да. Скажите... — Она улыбнулась этому милостивому, заботливому человеку, который, в сущности, нашел дойную корову, ведь на ее проблемах можно неплохо заработать. — Неужели у меня на лице написано, что я нуждаюсь в экстренной помощи?

— Именно. — А вот он остался серьезен. — Вы даже не смогли скрыть, что напуганы, это видно за версту.

— Вам показалось, просто я... чуть не опоздала на эфир... из-за пробок... получила втык... Это стресс, не более... До свидания.

Поднимаясь в лифте на девятый этаж, она читала визитку: Тимофей Викторович Троянов (ой, как вирус!), детективно-охранное агентство «Дракон» — у, как страшно! Машинально Майя сунула визитку в карман пиджака и посмотрелась в зеркало лифта... Видок не айс. Бледная, осунувшаяся, с темными кругами под глазами — последствия бессонной ночи налицо, а впереди целый рабочий день и параллельные думы о женщине в серо-белых тонах.

Кто она? Зачем ей это? Когда еще даст о себе знать и что будет написано в следующем письме? Так и провела Майя весь день, изредка выдвигая ящик стола, где лежали отпечатанные кадры с видеозаписи, и «любуясь» тщательно замаскированной дамой. Впрочем, при подробном исследовании снимков она могла с уверенностью сказать, что женщина молодая — кожа у нее гладкая, явно ухоженная, носогубных складок нет, а возраст именно они выдают, когда все остальное закрыто. Кстати, одежда на ней приличная, впрочем, пальто она могла и сама связать. А что это может значить? Ровным счетом ничего...

2

— Майя!.. Майя!..

Голос мужа врезался в мозг, словно пылающая стрела — до боли, напоминавшей жжение. Майя прилегла отдохнуть в спальне и заснула, а Стас разбудил резким окриком, у него жуткая манера — оповещать о своем прибытии ором. Слыша его шаги на лестнице, она нехотя села на кровати, протирая лицо и глаза, заодно тщетно пытаясь вспомнить, какое сейчас время суток.

В голове сплошной кавардак, после письма из пяти слов все перемешалось. Майя постоянно чувствовала себя под прицелом, так и мания преследования может развиваться, а там и до шизофрении недалеко. Два дня прошло, писем она не получала, но это пока. Да-да, пока! Письма будут, будет банальный шантаж — ради этого и затеяна интрига, а сейчас Майю берут измором: кинули записочку и наверняка наблюдают за ее рефлексамии. Поче-